

Сергей Сидоренко

Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина

ПОСОЛ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ (ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕЛЕНА МАРИНИЧЕВОЙ)

В предисловии к книге “Aspects of Literary Translation. Building Linguistic and Cultural Bridge in Past and Present”, изданной в 2012 году в Тюбингене, редакторы так определили кросс-культурную роль перевода и переводчика: «Translations ... prove to be most powerful cultural ambassadors ... Good translations are capable of fundamentally transforming an entire people's perception of others, opening new channels of communication and learning.»¹

Значение переводческой деятельности в преодолении границ, что разделяют людей, подчеркнул и европейский комиссар по вопросам образования, культуры, молодежи и спорта Тибор Навраксикс в своем выступлении “Opening Doors: The Power of Translation” на церемонии награждения победителей конкурса *Juvenes Translatores* 14 апреля 2016 года: “They [translators] cross the borders that still separate communities in order to establish lines of communication and forge durable links between them.”²

Есть моменты в истории, когда работа переводчика поднимается до уровня личного подвига, самоотверженной миссии. Примерами могут служить Джон Уиклиф и Мартин Лютер, отважившиеся перевести Библию на свои родные языки, французский гуманист Этьен Доле, Констанция Гарнетт, открывшая англоязычному миру русскую классическую литературу, Вера Рич, посвятившая жизнь переводам украинской и белорусской поэзии и прозы, выдающийся польский мастер слова Чеслав Милош и многие другие подвижники перевода, видевшие свою миссию в том, чтобы донести до соотечественников правду художественного слова и помочь людям разных наций понять друг друга.

---

¹ E. PARRA-MEMBRIVES, M.A.G. PEINADO, A. CLASSEN (eds.): *Aspects of literary translation: building linguistic and cultural bridge in past and present*. Tübingen 2012, p. 10.

² T. NAVRACSICS: *Opening Doors: the Power of Translation*. Brussels 14 April 2016. Retrieved from http://ec.europa.eu/commission/2014-2019/navracsics/announcements/opening-doors-power-translation_en.

Антропоцентрическая направленность переводоведческих исследований, помимо прочего, очевидно, должна заключаться во внимательном отношении к работе лучших представителей переводческой профессии, которые через языковые и культурные границы строят мосты к душам людей и позволяют им услышать другую культуру не через идеологические фильтры масс медиа, а через искреннюю силу художественного слова. Оставаясь «невидимыми» в своих переводах, они, как минимум, заслуживают слова благодарности за свой труд.

Данная статья – дань уважения переводческой деятельности московской переводчицы и журналистки Елены Мариничевой, во многом благодаря которой современная украинская литература нашла свой путь к сердцам русскоязычного читателя. Нашей задачей является вывести переводчика из «невидимости», выяснить причины ее профессионального интереса к современной украинской литературе, определить критерии выбора ею произведений, привлечь внимание к специфике современного украинско-русского литературного перевода. Материалом для статьи послужили публикации и интервью Елены Мариничевой, а также выполненные ею переводы украинской художественной прозы.

Елена Мариничева родилась в украинском городе Запорожье, окончила факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Работала и печаталась в московских изданиях «Известия», «Клуб», «Культура и жизнь», «Московские новости», «Общая газета», «The New Times», «Новая газета», «Компьютерра» и других. Она является членом Союза журналистов Москвы, Международной федерации переводчиков, Гильдии «Мастера литературного перевода».

В 2001 году в России впервые вышел перевод «Полевых исследований украинского секса» Оксаны Забужко, выполненный Еленой Мариничевой, и российский читатель начал открывать для себя новую украинскую литературу.

А есть ли, что открывать? Украинская культура вообще, и современная украинская литература как ее составляющая, еще проходят процесс самоутверждения, самоидентификации в контексте европейской культуры. В западноевропейской перспективе украинская литература нередко

отождествляется с русской, что и не удивительно, принимая во внимание историю украинской нации. Интересно, что и российский обыватель в своем большинстве считает, что украинская культура – это вышиванки, народные песни и танцы, а многие и украинский язык не считают самостоятельным языком (см., например, статью об украинском языке в «свободной Интернет-энциклопедии» Лукоморье <http://lukomore.org/>).

Еще в 1926 году в стихотворении «Долг Украине» русский поэт Владимир Маяковский написал такие строки: «А что мы знаем / о лице Украины? / Знаний груз / у русского / тощ – / тем, кто рядом, / почёта мало. / Знают вот / украинский борщ, / Знают вот / украинское сало. / И с культуры / снимали пенку: / кроме / двух / прославленных Тарасов – / Бульбы / и известного Шевченка, – / ничего не выжмешь, / сколько ни старайся»³.

Спустя 90 лет ничего не изменилось. Культурный шовинизм всегда был характерной чертой имперской державности, и Россия не является исключением. Ирония заключается в том, что российская культурная среда испокон веков питалась интеллектуальным продуктом украинского происхождения. Специфика культурной миграции из Украины в Россию в советское и постсоветское время состояла в том, что, ассимилируя талантливых украинцев, она не служила каналом открытия украинской культуры для россиян и никогда в таком смысле не воспринималась.

Что касается внутриукраинской культурной ситуации, ее особенность сегодня состоит в том, что новой украинской культуре приходится доказывать свое право на существование и в своей стране, преодолевать постсоветское наследие русскоязычного культурного доминирования.

Как данная исторически сложившаяся ситуация сказалась на переводе художественной литературы? Если говорить о русско-украинском направлении перевода, услуги переводчиков в этой области сегодня востребованы мало. В то время, как на украинский язык качественно переведена вся классика мировой литературы, переводы русской литературы, хотя и существуют, воспринимаются как достаточно искусственный, а потому и не нужный,

---

³ В. МАЯКОВСКИЙ: *Долг Украине*. В: В. МАЯКОВСКИЙ. *Полное собрание произведений в двадцати томах*. Том 2. Стихотворения 1924-1926. Москва 2014, с. 361.

продукт. Практически все население Украины как минимум билингвально и без перевода понимает русский язык.

Что касается украинско-русского перевода, тут ситуация абсолютно иная – произведения украинских писателей необходимо переводить для российского читателя, который не владеет украинским языком. Современная украинская литература должна прокладывать свой путь к читателю в условиях жесткой конкуренции на книжном рынке. На передний план в таких условиях выходят личность и талант переводчика, его понимание русской и украинской ментальности, подбор произведений, которые могут «зацепить» читателя в сегодняшней России, мастерское владение украинским и русским художественным словом, его, в конечном итоге, желание заниматься, как правило, коммерчески не слишком оправданной работой.

Елену Мариничеву можно назвать подвижником в области украинско-русского художественного перевода. Она перевела на русский язык прозу наиболее читаемых современных украинских авторов – в её переводах вышли романы Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса» (три издания: 2001, 2007, 2008 г.), «Музей заброшенных секретов» (2013 г.), книги Марии Матиос («Нация», «Даруся сладкая» – 2007 г., «Черевички Божьей Матери» – 2015 г.), проза Сергея Жадана, Костя Москальца, сборники рассказов и повестей Евгении Кононенко («Без мужика» – 2009 г.), рассказов Тани Малярчук («Лав – из» – 2016 г.). Характерной особенностью ее переводческой деятельности является не только выполнение переводов, но и «растолковывание» их читательской аудитории. Е. Мариничева является автором многочисленных статей о современной украинской литературе, рецензий на новейшие украинские книги.

Как сама Елена Мариничева объясняет мотивацию занятий переводом современной украинской прозы на русский язык? Ответ можно найти в ее выступлении на Открытом московском литературном фестивале «Украинский мотив» в 2011 году: «Лично меня новая украинская проза привлекает своей энергией и искренностью: в ней есть жажда быть услышанными, но нет «фиг в кармане», апломба, лицемерия. Я бы сказала, что это открытая, откровенная и честная литература. Думаю, примерно это имел в виду критик Кирилл

Анкудинов, говоря о журнальных публикациях рассказов Тани Мальярчук: «В очередной раз я убеждаюсь, что современная украиноязычная проза содержит в своем составе ту насыщенную простоту, которая нынешней русскоязычной литературе, увы, недоступна ...»⁴.

«Насыщенную простоту» современной украинской прозы Е. Мариничева связывает с украинским языком, которым она пишется: «Вобрав в себя говор улицы, сленг, жаргон, англицизмы, русизмы и полонизмы, напитавшись новыми, связанными с обретением независимости смыслами, он стал живым и подвижным, – по-видимому, на таком языке оказалось легче рассказать об изменениях и метаморфозах постсоветского человека. Говоря об этом с присущим ей темпераментом, украинская литература, по-моему, шагнула дальше русской»⁵.

Цель переводческой деятельности Елены Мариничевой – донести до российского читателя голос новой литературной Украины, а вместе с ним состояние умов и душ украинцев.

В чем Е. Мариничева видит привлекательность современной украинской литературы? С ее точки зрения, новая украинская проза представляет собой литературный феномен, едва ли не самое мощное излучение социально-эстетической энергии, случившееся на постсоветском пространстве. Современная украинская литература, считает Е. Мариничева, смогла сказать больше, откровеннее и искреннее, что связано с появлением новой страны, демократическими переменами, формированием гражданского общества, социальными надеждами и устремлениями, порожденными украинскими революциями 2005 и 2014 годов. «В России, – говорит переводчик, – надежды меньше»⁶.

Силу современной украинской литературы Е. Мариничева видит также в ее бесстрашии, горячем темпераменте, более открытом, откровенном разговоре о человеке, без привычного в российской культурной среде цинизма. «Самое

---

⁴ «Переведи меня через майдан». *Украинская литература: что, зачем и как переводят сегодня на русский?* [Электронный ресурс]. Опубликовано в журнале: *Дружба Народов* 2012, 1. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/1/k16.html>.

⁵ Там же.

⁶ ЕЛЕНА МАРИНИЧЕВА: *Украинская литература шагнула дальше русской*. В: *Українська правда. Життя*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://life.pravda.com.ua/culture/2011/06/14/80341/>.

важное, – замечает переводчик, – она живая. Этому невозможно дать определение, но невозможно и не почувствовать»⁷. Кроме того, Е. Мариничева отмечает плещущуюся через край автобиографичность современной украинской прозы, в то время как российские писатели «прячутся»⁸.

При выборе произведений для перевода Е. Мариничева, по ее словам, никогда не руководствовалась конъюнктурными мотивами. «Я могу позволить себе роскошь читать и переводить только то, что мне очень нравится, что лично мне близко», – говорит переводчица. И еще: «Переводя что-либо на русский, исхожу из того, что в русской литературе такого нет, и я хочу, чтоб это было»⁹.

Основными критериями выбора произведений для перевода для Елены Мариничевой являются личность автора, инаковость видения людей и событий, значимых для двух народов, уровень сочувствия, которое несет в себе оригинал:

«Когда я читаю на украинском что-то такое, что, как я вижу, написано о нас, обо мне, но иначе, чем написали бы мы – мне хочется, чтобы это прочитали здесь, в России, на русском. Важно, когда встречаю что-либо существенное о нынешнем представлении украинцев об истории, о нашей советской жизни, – потому что оно настолько не совпадает с нашими расхожими представлениями... Когда я это вижу – берусь переводить. Особенно если текст проникнут сочувствием»¹⁰.

Миссию художественной литературы Е. Мариничева видит именно в плоскости межкультурного взаимопонимания и эмпатии: «Если литература

---

⁷ О. БАЛЛА-ГЕРТМАН: *Прочитают – и станут другими. Интервью с журналистом, писателем и переводчиком Еленой Мариничевой. 23 мая 2016 года.* В: *Частный корреспондент*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/prochitayut_-_i_stanut_drugimi_40458.

⁸ ЕЛЕНА МАРИНИЧЕВА: *Украинская литература шагнула дальше русской.* В: *Українська правда. Життя*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://life.pravda.com.ua/culture/2011/06/14/80341/>.

⁹ «У современной украинской литературы горячий темперамент», – говорит русская журналистка и переводчица Елена Мариничева. *Спількувався Олег Барлиг.* В: *Літературний клуб «99»*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.znu.edu.ua/99/1-article.php?item=62>.

¹⁰ О. БАЛЛА-ГЕРТМАН: *Прочитают – и станут другими. Интервью с журналистом, писателем и переводчиком Еленой Мариничевой. 23 мая 2016 года.* В: *Частный корреспондент*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/prochitayut_-_i_stanut_drugimi_40458.

что-то и может – так это разве что повысить уровень сочувствия между людьми»¹¹.

Переводчик верит в благородную миссию своей работы, верит в то, что в ее результате что-то станет людям понятнее, ближе, роднее, а агрессия между народами станет невозможной.

Существует мнение, что перевод с украинского на русский – дело несложное, ведь оба языка – восточнославянские, в структурном и лексическом плане очень близки друг другу. Однако, украинский язык мстит за буквализм, особенно в контексте перевода современной украинской литературы. Рассмотрим некоторые примеры.

Буквальный перевод украинского оригинала может в русском давать более грубое звучание, особенно при переводе разговорной речи. Характерная для украинской речи грубоватость мягкая, ироничная, «с улыбкой». В дословном русском переводе эта мягкость и ироничность часто исчезают. Е. Мариничева формулирует такой рецепт решения данной переводческой проблемы: «... чтобы русский перевод соответствовал украинскому тексту, его надо делать чуть более ласковым, подбирая более мягкие слова... . По существу же, при переводе важно уловить музыку языка, интонацию, тональность: услышать её – и найти похожую в русском. При этом необязательно нота «до» в одном языке будет соответствовать ноте «до» в другом»¹².

В повести Марии Матиос «Черевички Божьей Матери» главная героиня, двенадцатилетняя девочка, крестится и мысленно говорит себе: «... *на холеру їй знову думати про ту місячну неприязнь?*»¹³. Украинский разговорный эмоциональный оборот «на холеру» не звучит грубо в устах маленькой девочки, привыкшей слышать его от взрослых, однако в переводе на русский ситуативная адекватность требует его смягчения, и Е. Мариничева переводит его с помощью нейтрального «ну зачем»: «Иванка крестится: *ну зачем она опять вспомнила про ту лунную вражду?*»¹⁴

---

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ М. МАТИОС: *Черевички Божої Матері*. Львів 2013, с. 19.

¹⁴ М. МАТИОС: *Черевички Божьей Матери*. Харьков 2015, с. 20.

В финале повести Оксаны Забужко «Инопланетянка» главная героиня в сердцах говорит надоедавшему ей воробью «А здох би ти!». Е. Мариничева вспоминает, что на эмоциональную неадекватность дословного перевода, потерю «улыбчивости» обратила внимание автор романа. «Она спросила меня, мол, ты бы своему коту сказала «Чтоб ты сдох»? А я бы коту такого не сказала. Тогда я перевела «Да пошел ты в баню»¹⁵.

Характерные для украинского ласкательные суффиксы при буквальном переводе на русский часто «сюсюкают» и искажают первоначальный смысл. Вот один из примеров оправданной нейтрализации переводчиком диминутивности, которая в русском переводе была бы избыточна:

Зверху клала капустяний листок, на листок – жмутик непареної вовни і знову зав'язувала біленькою хусточкою. – Сверху накладывала капустный лист, на него – комочек непареной овечьей шерсти и снова завязывала белым платочком¹⁶.

Буквальный перевод украинского «прутик» в приведенном ниже примере был бы ситуативно неадекватным и вызвал бы недоумение у читателя:

Не раз Іванка рятує їхні худі срачини від татового прутика чи арапника¹⁷. – Не раз Иванка спасала их тощие задницы от папиной палки или арапника¹⁸.

Есть слова, которые в силу идеологических, политических причин, разного видения истории разошлись в значениях в русском и украинском. Например, слово «национализм» в украинском имеет два значения, в том числе позитивное, связанное со стремлением к независимости, а в русском в последние годы оно стало ассоциироваться практически исключительно с этнической, культурной и религиозной нетерпимостью. Историзм «бандеровцы», относящийся к участникам военно-политических формирований Украинской повстанческой армии в Западной Украине в 1943-47 гг., в современном российском бытовом и медийном дискурсе стало

---

¹⁵ ЕЛЕНА МАРИНИЧЕВА: *Украинская литература шагнула дальше русской*. В: *Українська правда. Життя*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://life.pravda.com.ua/culture/2011/06/14/80341/>.

¹⁶ М. МАТИОС: *Солодка Даруся. Даруся сладкая*. Львів 2010, сс. 32, 220.

¹⁷ М. МАТИОС: *Черевички Божої Матері*. Львів 2013, с. 11.

¹⁸ М. МАТИОС: *Черевички Божьей Матери*. Харьков 2015, с. 12.

синонимом фашистов, украинских националистов, часто украинцев в целом, якобы несущих угрозу русскому миру.

Еще одним фактором, препятствующим буквальному переводу на русский, является украинская фразеология. Образная семантика устойчивых экспрессивных выражений украинского языка, особенно его просторечья, часто требует от переводчика подбора соответствий с иной образной основой в русском:

Дарусі стало шкода Славка, що міг від горілки згоріти *ні за цанову душу*
... – Дарусе стало жаль Славка, что от водки мог сгореть *ни за понюх табаку*
...¹⁹

Вона і за ксьондза колись *дістала* від тата *доброї петрушки*. – Она и за ксендза как-то *получила* от отца *хорошего перца*²⁰.

Сопротивляється буквализму и морфологическая система – ярким примером может служить разное предложное управление в украинском и русском:

Ото й понесла *до хатів*, коло котрих ніколи не цвіли квіти. – Вот и понесла *по домам*, возле которых никогда не цвели цветы²¹.

«Воспаленная слепота» по отношению к Украине, доминирующая в России после украинского евромайдана, приводит Елену Мариничеву к неутешительным выводам относительно результативности ее переводческой работы. Е. Мариничева убеждена, что если бы в России внимательно читали современных украинских авторов, «не случилось бы того, что случилось...». Особое значение в работе переводчика с украинского на русский, по ее мнению, приобретает сегодня этический фактор²².

Елена Мариничева вспоминает, что «Полевые исследования украинского секса» Оксаны Забужко выдержали в России три издания. А когда в 2013 году (начало украинского майдана) вышел на русском ее «Музей

---

¹⁹ М. МАТЮС: *Солодка Даруся. Даруся сладкая*. Львів 2010, сс. 36, 225.

²⁰ Там же, сс. 41, 230.

²¹ Там же, сс. 29, 217.

²² О. БАЛЛА-ГЕРТМАН: *Прочитают – и станут другими. Интервью с журналистом, писателем и переводчиком Еленой Мариничевой. 23 мая 2016 года*. В: *Частный корреспондент*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/prochitayut_-_i_stanut_drugimi_40458.

заброшенных секретов», удостоенный престижной литературной премии «Ангелус», в России отреагировали гробовым молчанием²³.

Переводя роман Марии Матиос «Даруся сладкая» о судьбе изувеченной НКВДистами крестьянской семьи из Западной Украины, Елена Мариничева полагала, что прочитав ее, российский читатель по-другому взглянет на общую для России и Украины советскую историю, «что люди уже не смогут думать и чувствовать, как прежде, не смогут хотя бы приветствовать захват чужих территорий»²⁴. Тем не менее, переводчица признает, что в сегодняшней России «ничего эта книжка не изменила, никто ничего не знает, не помнит, – даже те, кто её прочёл». «У меня есть одна приятельница, – говорит Е. Мариничева, – я в своё время дарила ей перевод «Даруси», она признавалась, что вместе с мужем (а он родом из Украины) они плакали над её страницами, но вот недавно она мне говорит: «Слушай, как хорошо, что Крым теперь наш!»...»²⁵ И, по мнению переводчика, дело не только в официальной политике. Людям сложно жить, критически осмысливая происходящее, осознавая ответственность за всё, что происходит. От этого нужно защищаться. Отсюда и «недозамеченность» – мы не хотим замечать, мы не хотим это читать, мы не хотим знать, что происходит в украинской душе, что было и есть в Украине на самом деле.

Профессиональная деятельность Елены Мариничевой – наглядный пример честной гражданской позиции переводчика, не просто транслирующего текст одной культуры в другую, а видящего свою миссию в том, чтобы своей работой построить духовный мост между двумя культурами, помочь людям услышать и понять друг друга. Такие представители переводческой профессии, как Елена Мариничева, живут «утопической верой в способность перевода изменить мир» (слова Лоуренса Венути²⁶) и, безусловно, заслуживают внимания со стороны теоретиков, практиков, преподавателей перевода, всего переводческого сообщества.

---

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ L. VENUTI: *The translator's invisibility. A history of translation*. London and New York 1995, p. 313. Перевод наш – С.С. В оригинале: “utopian faith in the power of translation to make a difference”.